

ДИАЛОГ
В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ
Конференция молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр
общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ)

ДИАЛОГ
В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ
Конференция молодых ученых

Октябрь 1993
Тезисы

МОСКВА
1993

Ответственный редактор

д.и.н. И.И.Свирида

Члены редколлегии:

Н.М.Филатова, В.В.Николаенко

БН 5-201-00772-6

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1993

Проблема диалога в культуре, введенная М.М.Бахтиным, широко и многозначно разрабатывается в трудах современных ученых. Она выводит на сущностные характеристики культуры. Диалогичность в расширительном смысле можно рассматривать также как свойство исторического процесса в целом. Она является универсальным принципом, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способность коммуникации.

Все исторические и культурные явления — продукт общения, взаимодействий этнических, социальных, религиозных, государственных общностей, следствием взаимоотношений человека с самим собой, с социумом, с универсумом. Уже начальная стратификация человеческого общества — "свой-чужой" была продуктом диалога, который на протяжении последующих столетий мог принимать различный характер.

В диалоге человека с земным миром и Космосом складывались мифы и народные обряды, в ходе диалога людей и культуры происходило становление языковых форм, в общении с внешним миром и собственным Я развивалась творческая мысль писателей, художников, в диалоге с их произведениями вступали читатель, зритель. В ходе историко-культурного процесса диалог вели различные религиозные и идеологические системы, народная и профессиональная культура, диалогичны были взаимоотношения отдельных национальных культур и культурных эпох. Диалог шел во времени и в пространстве, он пронизывал ткань истории и культуры по вертикали и по горизонтали. Диалог выступил как самостоятельный литературный жанр, как форма научного трактата, а диалогичность — как внутреннее свойство текстов, созданных различными искусствами.

Раскрыть через проблему диалога некоторые существенные стороны культурного и исторического процессов в России, у зарубежных славян, а также других народов Европы от древних времен до наших дней – цель организуемой конференции. В ней участвуют молодые гуманитарии различного профиля из Института славяноведения и балканстики РАН, Московского государственного и Российского гуманитарного университетов – историки, литературоведы, искусствоведы, лингвисты, которых объединяет интерес к истории культуры в целом. Для многих из них публикация тезисов – дебют в науке.

Конференцию проводят Отдел истории культуры
Института славяноведения и балканстики РАН.

д.и.н. И.И.СВИРИДА

А.М.РАНЧИН

ИДЕИ М.М.БАХТИНА О ДИАЛОГЕ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

1. Современное состояние российской бахтинистики можно назвать периодом "канонизации" Бахтина. Идеи мыслителя, в частности, относящиеся к диалогу в культуре, становятся в массовой бахтинистике материалом для повторений и вариаций. Характерна попытка "разыграть" наследие Бахтина в формально-риторической (по определению Бахтина же) форме (сочинения Махлина, Махова, Пешкова). Между тем идеи о диалоге – впрочем, как и почти весь Бахтин, такой риторической формализации глубоко чужды.

2. Тезис Бахтина о виенаходимости как условии понимания недостаточно применяется к его собственным концепциям. В то время как такой подход к наследию автора "Проблем поэтики Достоевского" позволяет прояснить специфику бахтинской рефлексии над текстами. Бахтин – в собственном

значения не учены (хотя положения его работ имеют огромную собственно научную ценность), а мыслитель (ср. об этом, например, в работах К.Кларк и М.Холквиста или Д.Лоджа). Поэтому корректное пользование его "терминами" и концепциями предполагает предваряющий перевод их на язык науки или, в случае объективной невозможности такой процедуры, четкое осознание причин и пределов непереводимости. В этой связи тезис Бахтина о монологичности лирики (поэзии) и потенциальной и реальной диалогичности прозы (оспариваемый М.Л. Гаспаровым) нуждается в указанном рассмотрении. Итогом анализа, возможно, станет вывод, что диалог мыслится Бахтиным только в своих отчетливых формах, за которыми можно представить разные субъекты и ценностные позиции (каковые мыслитель обнаруживает в прозаических текстах).

3. При внимательном описании "мира Бахтина" обнаруживаются антиномии, с логической точки зрения – противоречия. Тезис о вненаходимости как условии понимания, увеличивающей "сектор зрения" (работа "Автор и герой в эстетической деятельности"), как будто бы не работает в книге о Достоевском, где свойством истинного ("полифонического") романа названо отсутствие превосходства позиции автора над героем. Утверждение в книге о Достоевском, что авторская мысль вступает в диалог с идеей героя, причем не завершает этот диалог извне – кажется внутренне противоречивым, так как единственно неко доминирование автора над героем дает основание для идентификации той или иной идеи как авторской (пусть такая идентификация происходит и в диалогических формах – через саморазрушение и саморазоблачение идеи героя и т.д.). Корень таких "противоречий" – возможно, в том, что Бахтин пишет не о Достоевском, но о мире через Достоевского. Иными словами, о людях ("персонажах") и Боге ("Авторе"). Неслучайна в этой связи усеченная по независящим от автора "Проблем поэтики Достоевского" причинам аналогия полифонического романа и церкви (с. не давнее свидетельство С.Г.Бочарова). На религиозные основы бахтинских трактатов недавно обратили пристальное внимание С.Г.Бочаров и Н.К.Бонецкая.

4. В этой связи существенным представляется и социокультурное определение внутренней установки, интенции различных бахтинских сочинений, и доля необходимого приспособления автора к окружающим условиям (в самом широком смысле). С очень большой натяжкой можно говорить, например, о Бахтине как о литературоведе в точном смысле слова. Особенное значение приобретает вопрос о философских ориентаиях мыслителя, ныне поднимаемый и в зарубежных, и в отечественных работах.

5. Особенное внимание должно быть уделено проблеме сочетания диалогизма и монологизма у самого Бахтина. Адепт и "глашатай" диалога и полифонии, Бахтин агрессивно монологичен в собственном творчестве: литература делится на роман и все другие, недиалогические и "второсортные" жанры; "правильные" полифонические романы писал только Достоевский и т.д. Ср. также свидетельства Б.Ф.Егорова о самоопущении Бахтина себя как хранителя истины.

6. Подлинная ценность идей Бахтина (в том числе о диалоге) не в бесспорности "высокой продуктивности" как таковых (для этого они порой слишком "личностны"), но в способности питать чужую мысль – благодаря их обращению к пограничным культурным областям.

7. Впрочем, оценка наследия мыслителя зависит от исходной позиции пишущего о нем. Она будет различна при сциентистской установке на точное описание и при ориентации на "постижение-понимание", противопоставленной редукционизму адептом "кода" и "декодирования". Так, относительно недавно Л.М.Баткин противопоставил неформализуемого, нацеленного на понимание гуманитария Бахтина поклонникам точных описаний, "техникам" – структуралистам, сделав выбор в пользу автора книг о Достоевском и Рабле. Размежевание Бахтина со структурализмом Баткин увидел (думается, справедливо), в частности, в разном понимании роли и характера диалога в культуре.

РИТУАЛ КАК ДИАЛОГ

Сербский обряд "вучари" в обрядовом контексте

Значительная часть народных обрядов предполагает диалогическую структуру. Известно множество случаев, когда ритуал представляет собой диалог в собственном смысле слова, например, рождественский обряд наказания плодовых деревьев, когда один из участников обряда делает вид, что хочет срубить неплодоносящее дерево, угрожает ему, а другой просит не наказывать дерева, обещая, что в наступившем году оно будет плодоносить. Однако многие обряды, в которых не происходит обмена репликами между участниками, также строятся как диалог: за репликой (текстом, произносимой) исполнителем обряда, следует действие (ответное) его адресата. Рассмотрим подобные случаи на примере мало описанного и изученного сербского и шире – балканского – обряда "вучари".

Этот обряд распространен у хорватов-икавцев, в Сербии, Боснии, Далмации, Черногории, Македонии и в наиболее общем виде выглядит следующим образом: процессия "вучаров" обходит село, получая вознаграждение от жителей домов, перед которыми она останавливается, после чего происходит совместная трапеза исполнителей обряда, на которой съедаются полученные дары. Во время обхода, как правило, поется песня (или произносится прозаический текст), в которой просят одарить волка, чтобы он не приносил вреда:

Домајине, роде мој! Ето вуде пред твој двор.

Дај те вуку сочице, да не коле овчице,

Дај те вуку сланине, да не слази с планине,

Дај те вуку вунице, да не коле јунице,

Дај те вуку свашта доста, да не иде преко моста.

Участники обряда иногда разыгрывают сценки: один из них несет на палке набитое соломой чучело волка, изгнанное из шкуры только что убитого зверя или из заранее подготовленной волчьей шкуры, или же сам представляет волка, заскунув на спину гладью шкуру или оказавшись в длинную ру-

баху и накинув на голову простыню. Остальные "вучари" надевают маски, мажут лица сажей или просто одеваются в праздничную одежду. Часто один из них ведет за собой коня, который везет дары, собранные "волком".

Адресат обряда обязан одарить "волка", причем случаев, когда "вучарам" отвечают отказом, нам не известно. Одаривание не сопровождается какой-либо ответной репликой.

Сроки исполнения обряда различны: это может быть октавиальный обряд, исполняемый в случае убийства волка, или календарный, как правило, зимний – в этом случае он исполняется на Рождество (Бадњи дан), мясосед, мясопустную неделю или на "вучји светац" ("волчий праздник"), дата которого неизвестна.

Описанный обряд не существует изолированно, а находится в связи с различными другими обрядами и верованиями. Особенно очутима такая связь "вучаров" с рождественским обрядом "вукова вечера" (волчий ужин), зафиксированным, в частности, в Далматинской Буковице и Боснии, т.е. в регионах, где распространены и "вучари". "Вукова вечера" представляет собой как бы ответную реплику "вучарам". Во время приготовления рождественской трапезы, на Бадњи дан, во двор или на дорогу выносят понемногу от каждого блюда со словами: "Ево, вечерај, вуче, код мене и немо више никада!" ("Ужинай, волк, у меня и больше никогда не приходи ужинать") и т.п.

Менее однозначно, но тоже весьма заметна связь "вучаров" с календарными обрядами обходного типа, в первую очередь с колядованием. Среди общих элементов можно назвать время исполнения, ряженье, маски, лица, вымазанные сажей, разыгрываемые сценки (например, дед и баба), одаривание. Все это может говорить о том, что волк воспринимается не только как животное, приносящее вред скотоводам, но и как представитель "того света", загробного мира. На это же указывают данные о том, что многие части тела волка, в том числе шкура, зубы, голова, считаются оберегами. Кроме того, гора – постоянно упоминаемый в фольклоре в связи с волком локус (ср. пословицу: Крсти вука, а вук у гору) – есть символ "того света", а мост, через который, по сло-

вам вучарской песни, не должен переходить волк, может быть связан с мотивом переправы в загробный мир и из него.

Возможно, однако, что связь "вучаров" с календарной обрядовостью - явление позднейшее, результат проникновения в окказиональный обряд элементов календарного. Географически варианты этого обряда распределяются так: в Хорватии и центральной Сербии "вучари" - окказиональный обряд, связанный с убийством волка, при этом центральный момент ритуала - изготовление и ношение чучела (сходства с колядованием практически нет); в Боснии, южной Сербии и на Косове, в Македонии это обряд календарный, содержащий большое количество "театрализованных" элементов (ржанье, разыгрывание сценок), в то же время чучело волка может отсутствовать, а название обряда утрачиваться (Яйце в Боснии). В этих же регионах традиция колядования наиболее сохранилась.

Е.Е.ЛЕВКИЕВСКАЯ

ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛОГА В СЛАВЯНСКИХ АПОТРОПЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Цель апотропеев, или оберегов, заключается в том, чтобы оградить охраняемый объект (человека, домашний скот, урожай и пр.) от носителя опасности, предотвратить или устранить контакт между ними. В этом смысле апотропейская функция антикоммуникативна и одностороння, т.к. ее цель и заключается в том, чтобы "ответа" со стороны носителя опасности не было. Смысл диалога, напротив, состоит в осуществлении контакта между субъектами. При этом диалог всегда двунаправлен. На первый взгляд, в апотропейских текстах не должно быть места диалогу. В действительности, диалог может присутствовать в вербальных апотропеях и как способ прагматической организации конкретных текстов, и как способ общения с сакральным миром с помощью этих текстов.

С точки зрения прагматики, у апотропейского, как и у любого обрядового текста, всегда есть отправитель выдвигающий ряд требований или запретов, направленных на предотвращение опасности, и адресат - сам носитель опасности или сакральный провозвестник, к которому аппелирует говорящий.

ший. Обрядовые тексты, каковыми являются и вербальные обереги, могут быть отнесены к типу т.н. прескрептивного диалога, где говорящий выступает в роли "программиста" ситуации, а адресат - исполнителя. Этот диалог осуществляется только в случае выполнения говорящим условий обрядовой ситуации, которое дает ему право диктовать свои требования и ожидать их выполнения. К числу этих условий относится и правильное произнесение этих слов текста, и обстоятельства, при которых он произносится.

К примеру, у карпатских украинцев один из способов предотвращения града основан на веровании в то, что движением градовых туч руководят самоубийцы. Поэтому во время рождественского ужина хозяин дома набирает в отдельную миску еды от каждого блюда, выходит во двор и зовет на ужин всех самоубийц данного села, выкликая их по имени. Потом возвращается за стол и продолжает трапезу. Летом, когда он видит, что к его полю приближается градовая туча, он машет в сторону тучи палкой и кричит: "Я звал тебя на Рождество, а сейчас уходи!", обращаясь к самоубийце, который эту тучу ведет. Но если на рождественский ужин он забыл "пригласить" самоубийц, летом его отгонные слова и действия не будут иметь силы - тот, кто находится в туче, его не послушает.

Весь этот апотропейический обряд строится по принципу прескрептивного диалога, начало которого приурочено к конкретной календарной дате, а конец отодвинут на неопределенное время. Своей первой "репликой" - приглашением самоубийца на ужин, говорящий обеспечивает себе возможность следующей "реплики" - требования к туче уйти. Ответ на первую "реплику" - приход душ умерших на ужин, предопределен обрядовой ситуацией. Ответ на вторую "реплику" есть выполнение требования говорящего, т.е. уход градовой тучи за пределы поля. Т.о. при внешней антикоммуникативности и односторонности апотропейческий текст является своеобразным диалогом, участниками которого являются человек и сакральный мир.

Б.М.НИКОЛЬСКИЙ

СТОИЦИЗМ И РИМСКАЯ ГРАММАТИКА I В. ДО Н.Э.

Materia и figura в трактате Варрона "О латинском языке"

1. Идея о том, что стоицизм повлиял на формирование гуманитарного знания в республиканском Риме, вряд ли можно назвать оригинальной. Самы римляне признавали, что филология была привезена в Рим стоиком Кратетом из Маллы (Светоний "О грамматиках и риторах", 2). Постоянные ссылки на стоиков мы встречаем и в единственном сохранившемся грамматическом сочинении I в. до н.э. - трактате Варрона "О латинском языке". Это произведение стоит особняком в истории римского языкоznания: оно было написано в тот век, когда еще только создавалась грамматическая теория и терминология на латинском языке, и Варрон пользовался большей свободой, нежели позднейшие авторы. Варрон заимствует лингвистическое учение греков, но соединяет его с собственными языковыми представлениями. Поэтому трактат "О латинском языке" является достаточно интересным примером "диалога" греческой и римской культур.

2. Нам бы хотелось предложить решение одной конкретной проблемы, связанной с интерпретацией текста Варрона: мы убеждены, что механизм взаимодействия культур особенно отчетливо виден в своих самых конкретных проявлениях.

Варрон, описывая словоизменение (склонение имен и спряжение глаголов), употребляет два термина: *materia* и *figura* слова. Если значение термина *figura* в общем понятно (это звуковая форма слова при словоизменении - например, имя в каждом падеже обладает особой фигурой), то термин *materia* до сих пор не объяснен.

Оппозиция *materia*-*figura* встречается у Варрона дважды (X II-12; X 36). Эта оппозиция связана с понятием аналогии в склонении. Под аналогией понимается пропорциональное соотношение падежных форм (*ergus:ego:ferus:fero*). Алогия двух парадигм основывается на одинаковых "материях" и "фигурах" и тождестве языка переходе из падежа падеж (в приведенном примере *Nom.-Abl.* - этот переход Варрон обозначает

термином *ratio*). С другой стороны, соотношения типа *amor: amoris & ores:amorum* не являются аналогичными. В этом случае, хотя и происходит одинаковый падежный переход (Nom.-Gen.),

т.е. сохраняется одна и та же *ratio*, однако аналогии не возникает из-за различия в "материи" сравниваемых форм.

3. Вначале мы пытаемся объяснить термины *materia*-*figura*-*ratio* исходя из текста Варрона, и показать, какое грамматическое значение вкладывает Варрон в эти понятия. Для этого можно сопоставить два упомянутых фрагмента еще с одним (X 21-26), где речь также идет об условиях выведения аналогий. Сравниваемые слова должны иметь одинаковые:

X II-12: X 36

materia,

figura

ratio

X 21-26

species. ("вид", то есть имя)

следует соотносить
с именем)

genus ("род")

casus ("падеж")

exitus (окончание)

numerus ("число")

ea quae pro- (звуки, находящиеся
xima sunt рядом с изменямы-
neque commo- ми, но сами неме-
ventur няющиеся)

Фигура X II-12, X 36 соответствует *figura* в X 21-26; *ratio* соответствует термину *casus*. Значение термина "окончание" (*exitus*) при склонении имени совпадает со значением термина *figura*. Если исключить из приведенного в X 21-26 I да услов. i "фигуру", "окончание" и "падеж", то у нас останется набор признаков, характеризующих "материю": *species*, *genus*, *numerus*, *ea quae proxima sunt neque commoventur*. Эти признаки будут относиться ко всей падежной парадигме. Следовательно, "материя" имени - это имя, абстрагированное от его падежных форм. В каждом из падежей "материя" будет иметь особую "фигуру", и переход "материи" из одной "фигуры" в другую определяется грамматическим значением падежа

4. Термины *materia*-*figura*-*ratio* не являются собственно грамматическими. Они приводят нас к основным понятиям стоической физики (*materia*=*hylē*, *figura*=*schēma*, *ratio*=*logos*). У всего существующего, по мнению стоиков, есть два начала: пассивное (*hylē* - "материя") и активное (*logos*). Активное начало приводит материю в движение и придает ей форму (*schematizei*) (DL VII 134; SVF II 311). Форма (*schema*) не является внутренним свойством материи, однако материя всегда неразрывно связана с каким-либо качеством и всегда присутствует в одной из своих форм (SVF I 88), и следовательно, материю можно отделить от качества и формы лишь гипотетически. Как нам кажется, описание Варроном словоизменения представляет собой практически буквальную параллель стоическому учению об оформлении материи: грамматическая категория (*ratio*), выраженная при склонении имен в падеже — *casus*), причинно воздействует на "материю" слова, приводя к оформлению этой материи в "фигуру" и к переходу из одной "фигуры" в другую. Слово всегда существует в своих падежных формах, и для выделения "материи" необходимо абстрагироваться от этих форм. Интересно, что и сами стоики использовали термин *schematismos* не только для обозначения оформления материи в своем физическом учении, но и для описания образования падежных форм (SVF II 164).

5. В результате мы приходим к убеждению, что Варрон в восприятии греческой грамматической традиции шел несколькими путями. Безусловно, он прямо заимствовал у греков некоторые термины, основные принципы этимологического анализа и т.п. Однако в разобранном нами случае Варрон употребляет в лингвистическом контексте термины, непосредственно восходящие к области физики и натурфилософии и не имеющие предтечей чисто грамматическое учение греч. Варрон следует здесь самой сути греческой, и в особенности стоической философии, во всех областях которой — шла ли речь о природе, душе или языке — использовался единный метод — *одна* терминология.

А.Ф.ЛИТВИНА

РУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТ И ВИЗАНТИЙСКИЕ НОРМЫ

Переводы византийских законодательных текстов появились на Руси достаточно рано, не позднее XI в.; они многократно переписывались, входили в состав различных памятников уже в XI-XIII вв. Вопрос о том, в каком соотношении находились византийские законодательные нормы со сложившимся к тому времени на Руси обычным правом, обсуждался в научной литературе с середины прошлого столетия. Несмотря на довольно различную его трактовку, общепринятой, по-видимому, стала та точка зрения, что в целом византийские законы не были действующей правовой нормой на Руси в XI - нач. XIII вв. Не удается также привести убедительных примеров их непосредственного воздействия хотя бы на отдельные положения обычного права. Видимо, в том, что касается наказаний за преступления, византийские законодательные тексты и обычное русское право представляли собой две независимые системы. Обычное право применялось на практике, довольно долго оставаясь неписанным, византийское же, многократно переписываемое, оставалось принадлежностью книжной культуры, "плезным чтением" и находилось вне судебной практики. К концу XIII в. граница между двумя этими системами размыдается, термины и понятия византийского права начинают проникать в среду обычного права, причем, видимо, в наибольшей степени это касается именно терминов, а не собственно карательных судебных норм. Наибольший простор для воздействия внешних источников открывался в области, обычным правом не затрагиваемой, такой, где не было собственной традиции - в написании юридических документов, особенно чаянных. В то же время, в самой Византии, если актуальность той или иной карательной нормы может вызывать сомнение, то нормы, касающиеся порядка составления и формульяра юридических документов - едва ли не самые разработанные и применяемые. Не располагая достаточным количеством ранних русских частноправовых текстов, мы вынуждены судить о их структуре по более поздним документам. К XIV в. (ви-

димо, и к концу XIII в.) формуляр частноправовых русских документов уже достаточно хорошо развит, и хотя в разных областях Древней Руси многие языковые характеристики документов могут существенно различаться, структура этих документов очень сходна, что позволяет предположить существование единого источника этой структуры. Для завещаний Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. были выявлены нормы оформления, заимствованные из византийских правовых источников (видимо, из Прохирона через посредство Закона Судного Государя). Это статьи о здравом рассудке завещателя, установленное количества послухов, статьи об очищении от долгов и т.п. Части этих же норм следуют и юго-западнорусские завещания того времени. Новгородские же и псковские завещания, не следуя этим конкретным нормам, в целом по структуре сходны с завещаниями двух первых групп. Возможно предположить два пути влияния византийских норм на русские: воздействие зафиксированных законодательно норм (из Прохирона, например) и прямое, видимо, более раннее, воздействие византийских образцов частного документа. Примером такого воздействия может служить заимствование княжескими уставными грамотами и частными завещаниями начальной формулы ("се аз..." и предшествующая инвокация) из византийских частных (не императорских) актов, причем в завещаниях эта формула оказывается необыкновенно устойчивой.

Р.В.НЕПОМНЯЩАЯ

НЕМЦЫ В ЧЕСКИХ ХРОНИКАХ XIV В.

В начале XIV в. в Чехии зарождается процесс накопления исторических знаний. Исторические произведения еще не были отделены от письменности в целом и не являлись собственно научным осмыслением истории. Поэтому, говоря о средневековой хронистике, мы имеем в виду, что она является в большей мере феноменом культуры, отражением менталитета средневекового человека, нежели фактором развития научных знаний об истории.

На материале начала - середины XIV в. можно просле-

дить и процесс взаимовлияния и взаимопроникновения чешской и немецкой культур. Два столь ярких памятника письменности как рифмованная хроника так называемого Даимила и Збраславская хроника дают представление о взаимоотношениях чехов и немцев.

Как эти взаимоотношения связаны с нахождением Чехии в тот период в ареале культурного пограничья между миром славянской и миром латинской культур, как на взаимопроникновение культур влияли мировоззрение и политика Карла IV Люксембурга, который одновременно являлся и германским императором и чешским королем, и как в этом ареале сформировалась культура, несущая в себе элементы и западного (латинского), и восточного (славянского) влияний, предполагается проследить на материале данных двух хроник.

И.П.КУЛАКОВА
РУССКИЕ И ПОЛЯКИ – ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУР
"Смута" начала XVII в. в России

Смутное время в России начала XVII в. сопровождалось ломкой привычных традиций, одной из которых был дефицит общения населения с представителями иных этнических общностей. Начиная с 1605 г. в России появляется значительное число иноземцев, большинство которых были выходцами из Речи Посполитой (далее в тексте – РП). Представляется интересным рассмотреть взаимоотношения двух различных в этническом, политическом, идеологическом, религиозном отношении общностей, контактирующих в сложном социально-политическом контексте Смуты.

Особенности контактов русских и поляков определялись, в частности, внешнеполитической ситуацией, сложившейся к началу XVII в. Ввиду общего кризиса в России в господствующих слоях РП появляются идеи решения внутренних проблем за счет феодальной колонизации русских земель. Эти установки определили состав и настроения польско-литовского контингента, прибывавшего в Россию в 1604–1606 гг. при Михаиле I. Позже, с 1607 г., к ним добавились отряды мятежной шляхты.

ты - "рокошан" Зебжидовского, которые составили окружение Лжедмитрия II. Польские власти попытались сделать ставку на общность сословных интересов с русским дворянством, рассчитывая, что обещание шляхетских вольностей для части русских верхов подтолкнет их к согласию на династическую унию. Польско-литовское и русское дворянства тесно соприкасались между собой, находясь в Тушинском лагере, в лагере под Смоленском. С точки зрения этого контакта представляют интерес и переговоры 1610-1611 гг., в ходе которых русское дворянство было втянуто в обсуждение возможной новой политической модели России.

С иноземцами впервые тесно соприкоснулись не только феодалы, но и более широкие слои населения (бытовые контакты на улицах, на торге, при постое); под воздействием социально-психологических, конфессиональных иных стереотипов постепенно складывался образ "чужого" с четкой религиозной окраской. Большое влияние на характер этого образа имела позиция церкви. В России в течение второй половины XVI в. идет нагнетание идей борьбы с "латинством" во имя защиты православия, что было связано со становлением русской национальной церкви, оформлением русской патриархии, усилением вселенских амбиций. (В это время в РП католический епископат и курия ведут пропаганду "крестового похода" на Восток против русских, которые "не заслуживают того, чтобы называться христианами". - Б.Н.Флоря). При Борисе Годунове был сделан первый шаг к веротерпимости; панхристианизм прокламировался как внешнеполитическая доктрина России. Однако уже весной 1604 г., когда Лжедмитрий I с войском еще не дошел до Москвы, в правительенных грамотах его образ связывался с угрозой скатоличивания ("Русской земли и православный нашей христианской вере лиходей...хотя похитит царство Московское и православную христианскую веру изтребити, а ввести проклятую латинскую папежскую веру"). При Василии Шуйском и позднее мышль о борьбе с еретиками ради защиты православия, отождествляемого с русской государственностью, остается ведущей.

Отторжение иноземцев-иноверцев значительно усугублялось варварским поведением интервентов ("комплекс оккупанта", проявлявшийся в том, что "свои" нормы и обычаи, свою культуру оставляют дома, туземные же не принимают во внимание. - Ю.М.Лотман). Недаром в польской публицистике появляются сравнения России с Новым Светом, завоеванным испанскими конкистадорами. Особенно остро воспринималось русским населением ограбление поляками церквей (надо думать, что главной целью для интервентов было обогащение, а не осквернение святынь, хотя в источниках есть примеры и намеренного кощунства). Интересно, что именно принадлежность к разным ветвям христианства, определенное сходство в обрядах заставляло воспринимать многое как "свое", но искаженное и тем как бы оскверненное (если для поляков характерно высокомерное отношение к "диким московитам", то русские воспринимали ношение поляками креста ниже пояса, сидение в церкви и т.д. г.к святотатство). Для русской публицистики периода Смуты характерно отождествление католиков с слугами Антихриста, приписывание им чудодейства, волшебства, используемого против православных.

Под "латинством" русскими понимался даже не столько собственно католицизм, сколько европеизированные формы чужой культуры. Михаил I поплатился в частности и за то, что пытался резко реформировать обрядность, на свой лад внедрить почертнулое в РП новшества в свой придворный быт (начиная с костюма, музыки, танцев и охоты по европейскому образцу). Насколько отрицательный образ поляка - еретика и слуг Антихриста исчерпывал представления рядовых масс русского населения, сказать трудно. В сочинении А.Палицына, например, мы находим упоминание о том, что пленные русские женщины прятались от мужей, желающих выкупить их из плена, предпочитая общество поляков ("благодетели и святы тех нарища"); интересно, что Палицын объясняет это тем, что многие "обчарованы быша". В целом же тяжкий опыт Смуты не прошел даром для оппонентов-собеседников, внеся вклад в коллективные представления народов друг о друге. Для России это был один из первых шагов к вхождению в европейскую систему государств.

М.А.ГЛАЗКОВА

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ КАК ФАКТОР ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР

На материале переписки чешских политических
деятелей конца XVI-первой четверти XVII вв.

Карла старшего из Жеротина и Вацлава Будовца

1. Новый импульс для своего развития переписка как явление литературной и культурной жизни получила в эпоху Возрождения. Развитие образования, появление семейных архивов, сохранение копий писем и их последующая публикация участниками переписки, осознание ценности письма как культурного памятника способствовали развитию эпистолярного жанра и обеспечивали большую сохранность писем.

2. Эпистолярный фонд XVI-XVII вв., отличающийся практически во всех европейских странах значительным богатством и разнообразием, содержит неоценимый материал по истории культуры, в частности, для исследования культурологического фона эпохи, форм и явлений духовной жизни, тенденций в развитии культуры и взаимодействия ее различных региональных и концептуальных разновидностей.

Письмо - своего рода зеркало общественной и культурной жизни во всей ее непосредственности и актуальности, это социо-культурный срез действительности, пропущенный сквозь призму восприятия отдельной личности. Будучи включенной в международный контекст, корреспонденция становится одним из важнейших источников для сравнительных историко-культурных исследований, в частности, проблемы взаимодействия классических западных и славянских культур.

3. Мало какое литературно-художественное, историческое, публицистическое сочинение столь разносторонне характеризует культурную среду и эпоху возникновения, как письмо. Сама его форма удобна для выражения внутреннего мира человека. Если в глазах общества выдающиеся личности стремились сохранить определенный стиль и облик, "имидж" в доверительных письмах они позволили более глубоко заглянуть в их внутренний мир. Сопоставление в лядов отдельной личности (такими, как они предстают в частной переписке и

сочинениях) с ее практической социальной деятельностью или более снее соотнесение воззрений одного и того же человека, сформулированных в его частных и публичных выступлениях, выявляет новые компоненты в системе связей индивидуума и общества, реализовывавшейся в культуре, в том числе - через корреспонденцию.

Письма, составленные в переломные периоды жизни (и личной, и общественной) особенно зорко доносят до читателя дух времени, восприятие его проблем современниками, причем как на уровне одного или двух человек (участников переписки), так и в рамках целого социального слоя (при сопоставлении ее нескольких комплексов).

4. Состав корреспонденции, общие и индивидуальные черты в письмах различны авторов, понятийный аппарат для выражения общеориентировочных, политических, религиозных взглядов отражает характер мышления той или иной исторической личности, динамику изменения и эволюции ее воззрений. Переписка не одного, а нескольких близких по общественному положению и политическим взглядам корреспондентов дает незаменимую возможность сопоставить все эти явления в рамках определенной социальной или культурной группы (слоя). Их общие черты и особенности определились как ментальностью и уровнем культуры данного общества на данном этапе, так и типологическими характеристиками менталитета того или иного культурного региона (в частности, западно- и восточноевропейского).

5. Важным элементом культуры во все времена была культура человеческого общения, одной из форм реализации которой служила переписка. В эпоху Возрождения и постренессансный период человеческое общение как духовно-философская константа было поднято на принципиально новый уровень, на практике же оно осуществлялось по-разному, в зависимости от общественно-политических, социо-культурных и личностных факторов.

Регулярные письменные контакты, будь то рассчитанные на общественный резонанс или сугубо личные письма, отражают подход различных людей, как правило, незаурядных и по

своему положению, и по уровню мышления, к проблеме человеческих отношений – принципам их формирования и развития, целям, которые ставили перед собой стороны в процессе общения и т.п.

6. В письмах рассматриваемого региона и периода часто встречаются упоминания о новизне сообщаемых сведений и факте получения их адресатом, что подтверждает исключительное информативное значение письма в XVI-XVII вв. Но письмо – не только источник информации или один из способов ее передачи. Любое сообщение, как правило, сопровождалось оценкой, данной ему корреспондентом. Последняя в значительной степени определялась как мировоззрением и политическими взглядами автора письма, так и его практическим опытом, непосредственными наблюдениями, средой общения, нравственным воспитанием, заставлявшим осуждать или одобрять события, религиозными убеждениями, интуицией, эмоциональными факторами.

Информация, которую несло письмо, и характер ее оценки корреспондентом отражают преломление известных исторических событий в сознании отдельной личности и передачу этой, уже освоенной корреспондентом, информации адресату как данности. В этом плане письмо выступает не только как способ передачи информации, но и как средство формирования тех или иных представлений, в ряде случаев – того, что в современной социологии принято определять как "общественное мнение". При этом, в зависимости от географии писем, выработка тех или иных представлений могла осуществляться не только в локально ограниченном, но и международном масштабе.

7. Все перечисленные культурологические характеристики корреспонденции приобретают особое значение при ее международном характере. В XVI-XVII вв. переписка зачастую оставалась единственной формой общения внутри – только наднациональной "республики ученых", но и – шире – некоего культурного и политического универсума, объединявшего близких в политическом, конфессиональном и интеллектуальном отношении людей.

Показательна в этом смысле переписка крупного чешского политического деятеля и историка, одного из лидеров чешских

сословий в начале XVII в. Вацлава Будовца из Будова (1547-1621) и корреспонденция моравского гетмана Карла старшего из Жеротина (1564-1636).

Будовец, учившийся в протестантском университете Виттенберга и длительное время живший в Европе, поддерживал дружеские отношения с кальвинистскими теологами Яковом Грине, Теодором Безой, Амандом Поланеусом, астрономом и математиком Иоганном Кеплером, главой французских гугенотов Филиппом Морне дю Плесси, английским гуманистом, писателем и политическим деятелем Филиппом Сидни, гуманистом из Нюрнберга Иоахимом Камерариусом-младшим. Жеротин, получивший гуманистическое образование в университетах Страсбурга, Базеля и Женевы, установил контакты со многими крупными европейскими политиками, богословами, учеными. Среди его адресатов - Яков Грине - кальвинист, профессор богословия в Базельском университете, Теодор Беза - ректор Женевской академии, г.два реформатской церкви Швейцарии после Кальвина, Отто Касманн - немецкий философ, и многие другие.

8. В целом международная корреспонденция не только являлась источником сведений и средством формирования тех или иных представлений, отражала ментальность и систему ценностей территориально ограниченных социумов, но и была средством их взаимодействия. Именно письма стали одним из важнейших инструментов формирования общеевропейской культурной среды и проводником ее обратного влияния на деятелей национального масштаба.

В Центральной Европе второй половины XVI - начала XVII в. эпистола стала также одной из форм освоения и трансформации классических идей позднего гуманизма.

Все это дает основание рассматривать корреспонденцию как один из факторов взаимовлияния культур на пороге Нового времени.

А.В.НОВИКОВА

АНТИЧНОСТЬ И ХРИСТИАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ КЛОДА ЛОРРЕНА

ХУП столетие вслед за Ренессансом сохраняло способность к синтезированию христианского и античного начал, что помогало ему строить всеобъемлющие философские системы, осознавать мир в метафизических онтологических категориях.

Еще со времен Средневековья проводились параллели между библейскими и античными образами и понятиями. Тогда это служило "оправданием" античного мира с христианской точки зрения, а персонажи античных мифов рассматривались как провозвестники христианских событий. Однако уже для Ренессанса античность приобрела свое собственное значение, а сопоставление христианства и античности позволяло выявлять скрытые в них глубинные философские сущности. Эпоха барокко, которой свойственно было соединять противоположности, довела этот процесс до кульминации. Поэтому изобразительное искусство и особенно литература ХУП в. изобилуют произведениями, в которых христианские и античные персонажи легко уживаются друг с другом.

Клод Лоррен (1600–1682) пришел к широкому использованию античных и библейских сюжетов не сразу. В раннем творчестве он в целом избегал сложных литературных программ, предпочитая оживлять пейзаж жанрово-бытовыми сценами, если же и обращался к религиозно-мифологическим мотивам, то к традиционным, простым иikonографически устойчивым, таким как Суд Париса (1632) или Бегство в Египет (1631). Более широкое освоение античного репертуара началось в 1640-х гг., под влиянием второй волны академизма в лице Доменикино, а также в результате более глубокого изучения литературных источников (в особенности Гомера, Вергилия).

Библейское и античное начала часто сближаются в творчестве Лоррена на уровне сюжета, совмещаясь в одном произведении, как в Пейзаже с Отдыхом на пути в Египет (1634), где со Святым семейством, расположившимся у ручья, соседствуют античные нимфы и божество источника. Художник соединяет персонажи библейского и античного мира в одно стилизованные и композиционное целое, гармонично и ненавязчиво.

Все они являются участниками пасторально-идиллической сцены. И хотя пастораль – порождение языческой культуры, умноженный образ Святого семейства полностью созвучен ее настроению. Показательно, что в европейской живописи XV–XVIII вв. Бегство — в Египет и Отдых на пути в Египет устойчиво ассоциировались с пасторалью, хотя реалии были далеки от идиллии.

Пасторальное начало пронизывает все творчество Лоррена. В его произведениях пейзаж всегда имеет аркадийский облик, независимо от представленных событий. На фоне такового изображаются и библейские герои, объединяясь с этим пейзажем в единый визуально-смысловой ряд и попадая в атмосферу, насыщенную гедонизмом, а не аскетической суворостью. Пасторальная идея, воплощенная в подобном пейзаже, идея счастливого пастушеского мира сливается с христианской идеей Доброго Пастыря, указующего путь к истине.

В "циллических пейзажах Лоррена сосуществуют не только библейские и античные персонажи, но и архитектура этих двух разных миров. В сцены из ветхозаветной жизни он включает элементы античной архитектуры, а в сцены античные – архитектуру христианскую. Несмотря на то, что в XVII в. существовали проекты реконструкций отдельных античных зданий, общие знания о последних еще были недостаточны, даже среди знатоков. Вместе с тем сам Лоррен и не стремился к археологической точности. Его подход был принципиально не антикварный, он хотел прежде всего передать дух великого прошлого (не случайно его пейзажи Прибытие Энея на итальянскую землю (1650) и Пейзаж с аркой Тита (1644) воспринимались в дальнейшем как аллегории зарождения и падения Римской империи, получив в литературе соответствующие названия), воплотив дух Золотого Века.

Желание воссоздать общую гармонию мира преобладало у художника над стремлением к историзму. Поэтому в его полотнах анахронично могли появляться островерхие готические церквишки, как на дальнем плане Пейзажа с танцующими Сатиром и Нимфой (около 1640–1641) или в картине Святой Георгий с драконом (1653), а античные храмы-ротонды – в сцене

Иаков и Лаван с дочерьми.

Правда, в поздних полотнах Лоррен более точен в исторических архитектурных деталях – они могут служить у него и символическим указанием на определенный сюжетный момент (так, в Отплытии Св.Уrsулы (1641) готическая церковь на заднем плане, возможно, напоминает о месте ее мучений – Кёльне). Однако это не меняет в целом позиции мастера: античный или библейский сюжет – это для него прежде всего повод развернуть на полотне пантеистическую картину мироздания, в которой люди и боги оказываются неразрывно слиты с природой, а внеисторичный характер костюмов и архитектуры служит средством полнее выразить идею ее вечности и вечной красоты. Как писал Гете, картины Лоррена дышат наивысшей правдой, хотя в них нет ни следа действительности. Античность и христианство предстают в его полотнах как части единой "наивысшей правды".

И.М.МАРИСИНА

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ИСКУССТВО ГЛАЗАМИ РУССКОГО

ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Длительная и плодотворная традиция русско-французских художественных связей уходит корнями в XVIII в. Париж становится к этому времени центром притяжения художественных сил всей Европы, "мастерской культуры", по выражению В.О. Ключевского. В пестрый поток иностранцев, наполняющий во второй половине XVIII столетия салоны, выставки, музеи и просто улицы Парижа, вливаются и наши соотечественники. Обильные литературные источники (официальные отчеты художников-пенсионеров Петербургской Академии художеств, письма, путевые заметки, мемуары побывавших во Франции россиян) дают интересную и до сих пор мало используемую возможность судить об особенностях восприятия русского человека за границей.

Париж знакомил заинтересованных туристов (каковыми в большинстве своем являлись наши соотечественники) с обширным материалом искусства, от античности до современности.

В процессе его осмыслиения русский зритель производил для себя как ретный отбор, обращая первоочередное внимание на искусство определенных исторических эпох и национальных школ. Основные принципы этого отбора – изначально формирующиеся еще в России – проясняются, в частности, на основе анализа впечатлений А.Лосенко, Д.Фонвизина, Н.Карамзина, И.Хемницера, Н.Демидова и др.

Во временном срезе плястов культурного наследия, возникшем в художественных представлениях русских путешественников, за античностью, как правило, следовало Возрождение, минуя период средневековья. Преимущественный интерес к итальянской школе в восприятии искусства ХУП–ХУШ вв. сочетался с активным вниманием к произведениям современных французских мастеров: "Верне, Ж.-Б.Грёза, Ф.Буше, Ж.-А. Гудона и др. Традиционный маршрут осмотра достопримечательностей приводил русских путешественников прежде всего в наиболее известные места французской столицы (Лувр, Версаль, Люксембургский дворец и т.п.). Сопоставление разных зрительских впечатлений от одного и того же памятника или произведения искусства говорит об определенной эволюции оценочных критериев. Барокко, рококо, классицизм, сентиментализм как варианты "мироощущения" ХУШ века не создают стилистически адекватных себе и резко отличимых друг от друга типов отношения к искусству. Однако, развивающие ими теоретические воззрения, художественная практика, вкусовые предпочтения активно подключаются к характеристикам как классических, так и современных художественных произведений.

Весьма существенной для понимания внутренней природы художественного восприятия является проблема сочетания личного и общепринятого, возникающая, в частности, как результат встречи идеального просвещенного вкуса (конструируемого Д.Лидро в его "Салонах") и вкуса реального, "потребительского". Не менее важна дилемма "религиозно- светское", определяющая специфику впечатлений русского человека от церкви парижских церквей, где, как правило, были сосредоточены многочисленные памятники искусства.

Для наших соотечественников понятия "французский дух",

"Французская школа" были в большей степени, чем для европейцев, овеяны устойчивым ореолом эталонности, сложившимся еще до приезда во Францию. В Париже этот питет отчасти укреплялся благодаря определенному французскому влиянию на эстетическую способность русского зрителя "видеть, чувствовать и оценивать" произведения искусства.

Преемственность между петровской эпохой и рассматриваемым периодом помогает вскрыть качественно новые черты, присущие русскому восприятию второй половины XVIII в. Расширяется охват привлекающего внимание материала искусства, развивается глубина и цельность художественного видения, обогащается лексический диапазон суждений, возникает потребность обмена впечатлениями.

Складывающаяся структура визуальной культурной памяти влечет за собой изменение содержания понятий "древнее" и "новое" применительно к искусству. В сознании зрителя и посредственный эмоциональный импульс, полученный от конкретного памятника, соотносится с характеристиками исторического времени создания последнего, образуя порой неожиданные ассоциативные ряды.

Рассмотрение западноевропейской культуры в зеркале русского восприятия позволяет прояснить как свойства воспринимающего сознания, так и структуру воспринимаемого материала. Многочисленные нюансы восприятия показывают, как меняется со временем место определенного жанра или национальной ветви в иерархической структуре культурного наследия. Разрозненные, казалось бы, факты и свидетельства обретают связь как проявления "художественной жизни" самого искусства.

В данном сообщении использована лишь небольшая часть имеющегося литературного и художественного материала, поэтому преждевременно было бы делать на его основе обобщающие выводы. Кроме, пожалуй, одного – о существовании на уровне "общения с искусством" важного пласта русско-французских художественных связей второй половины XVIII столетия.

С.В.ХАЧАТУРОВ

РАННИЙ КЛАССИЦИЗМ И ПСЕВДОГOTИКА. ДИАЛОГ НАПРАВЛЕНИЙ
В РАЗВИТИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ 60-80-Х ГОДОВ XVIII В.
В СВЯЗИ С ПОНЯТИЕМ "ПРОСВЕЩЕННЫЙ ВКУС"

Русской теоретической мыслью эпохи Просвещения в числе важнейших достоинств архитектурного создания провозглашалось следование идеалам простоты, разумности, естественности, то есть всем тем тревожениям "хорошего вкуса", которым наиболее полно соответствовала "правильная" античная и ренессансная архитектура.

Однако, в эстетике Просвещения подобные идеалы, как и само понятие "хороший вкус", содержат многие противоречия. Антиномичность просвещенного вкуса может быть прослежена во взглядах русских мастеров, в значительной мере сложившихся под влиянием французских архитектурных трактатов середины – второй половины XVIII в., которым она также была свойственна. Поэтому, хотя в своей практической деятельности русские архитекторы придерживались выработанных классических норм и правил, пользовались они ими достаточно свободно, не пытаясь копировать древние постройки или подражать конкретной исторической эпохе. Классическая декорация зданий этого стиля в 60-80-е годы XVIII в. в России не была исторической стилизацией, не обладала пластической мощью подлинной классики, а была хрупкой, барельефной, даже иллюзорной.

При том, что авторитет классики кажется непоколебимым на практике в это время появляется большое количество сооружений в "готическом вкусе", достоинства которого особенно выделяются великим русским архитектором Василием Ивановичем Баженовым. В этом видится еще одно проявление антиномичности просвещенного вкуса.

Понятие "готическое" в эпоху Просвещения было многозначным, не определенным строго исторически. Сама история людьми этого времени воспринималась парадоксально. С одной стороны, она представлялась "длинной цепью заблуждений и злодейств" (Ю.Лотман), то есть как нечто неестественное, происившее в природе; с другой – как то, что открывает воз-

можность естественного проявления чувств, дает свободу фантазии (Н.М.Карамзин. "Остров Борнгольм"). Подобный, не объективно научный, а субъективный, чисто эмоциональный подход к проблемам истории обусловил особенности развития архитектуры "готического вкуса" в России, ее театрализованный, подчас откровенно бутафорский характер.

Отромную роль в развитии русской псевдоготики сыграла культура сентиментализма, утверждавшая и освящавшая жизнь частного человека, дававшая полную свободу проявлению его чувств и личного вкуса. Поэтому "готические" постройки создаются там, где особо возрастает роль заказчика, его вкуса и воображения, свободных от общепринятых норм, то есть в усадьбах, а также в загородных императорских резиденциях. В этом плане обращает на себя внимание роль личного вкуса Екатерины II в утверждении двух ветвей развития псевдоготики в России: "московской", к которой относятся и памятники русской провинции, и петербургской.

В становлении "московской" ветви определяющая роль на уровне формальной интерпретации "готического" стиля принадлежала творческому гению В.И.Баженова, соединившего в выработке нового стиля традиции барочной сценографической архитектуры с некоторыми декоративными формами русского и западноевропейского (итальянского и французского) Средневековья. В формировании же петербургской ветви основное значение имела английская архитектурная традиция XVIII в., особенно ее ранний этап (20-50-е годы XVIII в.), когда "готический вкус" в Англии еще не стал "готическим возрождением".

Таким образом, ранний классицизм и псевдоготика в русской архитектуре могут быть рассмотрены как воплощение антиномичности "просвещенного вкуса" 60-80-х годов XVIII в. Взаимодействие двух направлений на уровне формального архитектурного анализа будет прослежено на примере царицынской псевдоготики В.И.Баженова.

О.В.ДОКУЧАЕВА

ИСКУССТВЕННЫЕ РУИНЫ В РОССИЙСКИХ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ
САДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XIX В.

Принято считать, что одна из значительных черт искус-

ства XVII века – начало освоения исторически или географически отдаленных культур, первый взгляд за рамки дотоле незыблемой художественной доктрины, опиравшейся на римскую, по преимуществу, античность.

Увеселительный сад, в том числе пейзажный, в силу глубоко имманентной этому виду искусства способности отражать мыслимую картину мироздания, легко становится местом взаимодействия ранее не соприкасавшихся культурно-художественных реальностей.

Собранные в границах "вселенной на десятине" планировочные участки, здания, элементы убранства "во вкусе" иных времен и народов неизбежно вступают в диалог между собой, но в то же время подвергаются осмысливанию с точки зрения господствующей художественной практики и восприятия. Отсюда – сложность и неоднозначность возникающих взаимодействий.

Искусственные руины в парках – частный случай таких взаимодействий. Они принадлежали к обширному классу архитектурных имитаций, весьма многочисленных и разнообразных во второй половине XVIII – начале XIX столетия. Именно в этот период появились искусственные руины в Царском Селе, Павловске, Царицыне, Богородице, в других частных усадьбах. Они играли роль павильонов, служебных зданий, беседок-бельведеров. В виде руин оформлялись мостики, каскады и другие малые формы.

На создание руинных сооружений садоустроителей вдохновляли не только раскопки Помпей и Геркуланума, реставрация средневековых зданий в Западной Европе, но также художественно опосредованные источники: литературные произведения, изобразительное искусство (графика Пиранезе, полотна Г. Робера) и, конечно, многочисленные увражи.

Приданый садовой руине условный статус памятника старины предполагал присутствие обязательных наглядных признаков древности постройки. Вместе с тем возможной или даже желательной была имитация недавних вычинок и доделок, позднейшего приспособления здания для якобы новых целей. Круглы" храмик превращался в кухню (Царское Село), как бы заново достроенная старая мельница – в изящный салон (Пав-

ловск). Убедительная на первый взгляд подлинность – это необходиное свойство – достигалась многими средствами: от употребления в убранстве руины цветных мхов (Царицыно) до использования в качестве строительных деталей античных фрагментов (Павловск).

Преобладали руины "римские" и "готические". Кроме того существовали руины сельских зданий, фантастических, изредка восточных построек. Своим обликом искусственные руины могли сближаться, вступать в диалог с другими типами садовых сооружений: гrotами, рустическими объектами.

В отличие от прочих имитаций, призванных иллюзорно переносить посетителя парка в иные жизненные обстоятельства, в другие исторические или географические измерения, руины, напротив, сами "прорастали" из глубины веков в новую реальность садового ландшафта.

По теории садового искусства и большей частью на практике располагались они в меланхолических или романтических уголках парков. Элегия – вот основной жанр в поэтике руин.

Время – главная тема в их семантике. Вписанные в контекст сада, они давали ему предысторию, наделяли значительностью.

Дальние исторические горизонты, сопоставленные с современностью, сопрягались здесь с традиционным рождая в склонном к аллегоризму сознании человека XIX столетия смысловые истолкования каждой конкретной постройки. Так, развалины римского храма должны были означать торжество позднейшего варварства над древней цивилизацией. Руина "готического" замка – щету перед лицом времени претензий и замыслов его строителей. Смысл искусственной руины мог поясняться соответствующей надписью, как, например, на замковом камне арки Башни-руины Фельтена в Царском Селе.

Думается, именно передача смысла памятника, игра значений и образов, но не буквальная "научная" точность воспроизведения осваиваемых или давно знакомых архитектурных форм прошлого выдвигались на первый план создателями искусственных руин в садах второй половины XIX – начала XIX в. Имитации всегда оставались в пределах прибл. зрительного и условно-

го, сохраняя право на свободную вариативность, фантазию и почти детскую игровую легкость при всяческой многозначительности. В этом их существенное отличие от позднейших опытов эклектики XIX столетия.

Е.Н.МАСЛЕННИКОВА

ГЕРДЕР И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ДУНАЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Иоганн Готтфрид Гердер, в 70-80-е годы XIX в. признанный идеолог движения "Буря и натиск", был впоследствии надолго забыт у себя на родине. После разрыва с романтиками он оказался вне магистральной линии развития классической немецкой философии, труды его стали числиться скорее по ведомству изящной словесности и литературной критики.

Доклад предполагает анализ причин этого положения – практически полного неупоминания имени Гердера в Германии даже при использовании его идей, – а также причин восторженного его признания у ряда народов Центрально- и Юго-Восточной Европы, где Гердер стал одним из вдохновителей процесса возрождения славянских, венгерской, румынской культур.

Во многом во исполнение гердеровских идей шло движение иллиризма. Идеями Гердера питалось творчество Яна Коллара (а через него – Л.Штура, Я.Голлого и др.). Собирательство фольклора, заполнение лакун в литературном процессе ряда народов (создание в XIX в. героических поэм, народных эпосов) – все это проходило в указанном ареале не только под влиянием славянской главы из "Идей к философии истории человечества", но и согласно литературным принципам Гердера.

Особо следует рассмотреть те случаи, когда влияние идей Гердера признавалось прямо (представителями движения иллиризма, филологизма) и когда их использование можно проследить достаточно отчетливо, хотя имя ученого прямо не упоминается (творчество Яна Коллара).

При обращении к этим проблемам необходимо учитывать ситуацию, в которой студенты Дунайской империи получали образование в университетах Иены, Гейдельберга, Вены. От того, в какое время проходило обучение, кто был соучеником того

или иного деятеля славянского Возрождения, а кто учителем, зачастую зависела вся система его будущих взглядов. Так, из-за личной дружбы В.Копитара с Фр.Шлегелем взгляды так называемых "истинных" австрославистов оказались устремленными к Риму, а не к Москве и Киеву. Тем не менее и они нередко использовались изначально гердеровские принципы — через посредство Фр.Шлегеля и без упоминания источника.

Возможно, частично причины обращения к Гердеру в Центрально- и Юго-Восточной Европе в первой половине XIX в. кроются в сложности отношения культур этого ареала к романтизму. В общем и целом здесь воспринимали романтизм как течение художественное, но не философское. "Серьезные" национальные и националистические движения не были готовы к восприятию стержня философии романтиков — романтической иронии.

Не последнее значение имеет и более терпимая, чем у романтиков, религиозная позиция Гердера, а также его принцип универсальности, которые сформировались во время жизни Гердера в Риге (в непосредственно славянском, в том числе, окружении) и нашли выражение в статье "Дух еврейской поэзии".

Настоящий доклад является попыткой представить общую картину распространения идей Гердера среди народов Дунайской империи в первой половине XIX в.

Н.М.ФИЛАТОВА
ЭВОЛЮЦИЯ РАННЕГО ПОЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА.
Диалог оппозиции и правительства

Конституция 1815 г., "дарованная" Александром I созданному на Венском конгрессе Королевству Польскому, была одной из самых либеральных в Европе того времени. Благодаря этому польская политическая мысль находилась в авангарде европейского прогресса. В первые годы существования Королевства Польского (1815-1820), совпадшие с периодом расцвета классического европейского либерализма, и в Польше утверждается и развивается политический либерализм.

В докладе предполагается рассмотреть, каким образом это

общественно-политическое течение, получившее в 1815 г. мощный импульс для своего развития от правительенного конституционизма, пришло к созданию антиправительственной оппозиции.

Исследовать политическую и идеиную эволюцию польских либералов, приведшую их в 1820 г. к конфликту с правительством, можно лишь путем сопоставления позиции либерального лагеря с позицией правящих кругов. Поэтому за основу исследования эволюции либеральной мысли в Королевстве Польском взят материал либеральной польской прессы - "Газета цдзенна народова и обца" (1818-1819), "Кроника" (1819) и "Ожел Бялы" (1819-1820) - в сравнении с выражавшей официальную линию "Газетой варшавской". Только в диалоге правительства, придерживавшегося прорусского направления, и формирующейся либеральной оппозиции раскрывается содержание политической жизни Королевства Польского тех лет.

В развитии раннего польского либерализма просматриваются два этапа: 1815-1818 гг. - период пассивного усвоения новых идей - и 1818-1820 гг. - период формирования у польских либералов активной политической позиции. Знаменательной вехой стал сейм 1818 г., который продемонстрировал реальное воплощение в жизнь либеральных принципов. Речь на нем Александра I прозвучала как декларация правительенного либерализма. С этого времени начинается популяризация либеральных идей на страницах новых изданий и оформляется либеральная группировка в сейме, которую возглавляют братья Немоевские. С того же 1818 г. начинает проявляться критическое отношение либералов к конкретной политике правительства. Складывается программа раннего польского либерализма, сводящаяся к рассмотрению всех законопроектов с точки зрения их полного соответствия конституции 1815 г. и критике правительства за все действия, не соответствующие этой конституции.

Важной особенностью развития политического либерализма в Королевстве Польском был диалог польских либералов с европейским общественным мнением. Либеральная периодическая печать Королевства Польского пропагандировала и развивала

идей, провозглашавшиеся на страницах либеральной западно-европейской прессы, и обращалась к европейскому общественному мнению в поисках прямой поддержки. Непосредственное воздействие на эволюцию польского либерализма оказали идеи теоретиков французского либерализма, — в первую очередь, Б. Констана, — и политическая практика французских либералов, которые именно в это время вели активную кампанию в борьбе против режима Реставрации.

И. В. ПОПОВА

ВЕНГЕРО-СЛОВАЦКАЯ ПОЛЕМИКА РУБЕЖА 1830-1840-Х ГОДОВ
КАК ФОРМА ДИАЛОГА

1. Проблема адекватности восприятия информации в процессе диалога представляется важной, поскольку ее решение позволяет определить уровень диалога, глубину взаимопонимания сторон, позволяет выделить механизмы, затрудняющие диалог. В настоящем докладе речь пойдет об особенностях венгеро-словацкого взаимопонимания (на материалах полемики конца 30 — начала 40-х годов XIX в.), а также о тех факторах, которые его затрудняли.

2. Национальная идеология, выполняя интегрирующую (скрепляющую) для группы функцию, стремится создать и легализовать стабильное и безопасное пространство для жизнедеятельности индивида, который, принимая идеологию, ожидает от других членов группы идентичного своему и предсказуемого поведения. Закрепляя место данной группы и отдельной личности в системе общественных отношений, национальная идеология ограничивает "свое" пространство от "чужого". Мышлительной доминантой носителя национальной идеологии становится проблема принадлежности к определенной социальной группе и проблема состава этой группы; структура его мышления достаточно жестка и обладает сильной сопротивляемостью в отношении "чужеродных" элементов, которые либо отторгаются, либо интерпретируются в соответствии с традиционными подходами и установками. Диалог "своих" и "чужих" идей, таким образом, затрудняется; диалог культур происходит в форме полемики, которая

являет собой "грубую форму диалогизма" (Бахтин). Участники венгеро-словацкой полемики конца 1830 - начала 1840-х годов стремятся прежде всего очертить свои позиции: все, что не соответствует устоявшимся представлениям, подвергается беспощадной критике. Мышление участников этой полемики обращено прежде всего на конституирование своей собственной социальной группы, а также на нанесение максимального словесного ущерба противоположной стороне.

3. Решающее влияние на развитие венгерской национальной идеологии оказали активность венского двора и тайной полиции Меттерниха, солидарность крупных землевладельцев Венгрии политикой Габсбургов, оживление национальных движений невенгерских народов, проживавших на территории королевства (что было вызвано проводимой медленно, но настойчиво мадьяризацией). Сыграли свою роль и политические интересы представителей среднепоместного дворянства - главного носителя национальной идеологии - прежде всего, стремление ограничить влияние аристократии. Все перечисленные факторы активизировали традиционные установки венгерского дворянского сознания: вновь зазвучал мотив суверенитета дворянской нации, которая отождествлялась с дворянским государством, распространяющим свою власть на исторически сложившуюся территорию. "Чужие" идеологии, - прежде всего, идеология словацкого национального движения, - рассматривались через призму этих установок: народ, не обладавший собственными государственными институтами, не мог называться нацией; национальные движения представлялись венгерской прессой как дело рук возмутителей общественного спокойствия. Состояние тревоги в венгерском обществе также подогревалось и неверными оценками политической ситуации. Опасность, как считали в Венгрии, исходила от возможной поддержки требований национальных меньшинств со стороны венского двора, от возможности слияния славянского и немецкого национальных движений, а также от возможности вмешательства в решение славянских проблем России, образ которой рисовался в зыбких мрачных тонах. Отношение к проживавшим в Венгрии

славянам, в том числе словакам, было крайне подозрительным, неоправданные опасения приводили к преувеличению значения тех или иных акций словацкой интеллигенции. Все это выражалось в чрезвычайно резком тоне газетных публикаций, обилии нелестных эпитетов и ядовитой критики. Параллельно, отметим, шло восславление достоинств венгерской нации, призванное подчеркнуть ее особую историческую миссию – бороться с варварством на востоке Европы.

4. Активность венгров не могла не подтолкнуть к действию словаков, живших на севере королевства. В ответ на критику словаки демонстративно представляли себя венграми по своей государственной принадлежности, не желающими нарушения целостности венгерского государства и monarchy в целом. Характерно было также стремление подчеркнуть заслуги славян в венгерской истории, активно развивалась теория автотонности славянского населения на занятых венграми землях. Тщетность усилий словаков, невозможность противостоять мадьяризации заставляют их обратиться к правящей династии и искать защиты там, поскольку политика либерализма отождествлялась словаками с политикой венгерской либеральной оппозиции, олицетворением которой был Л. Кошут. Из двух зол (реакционная Вена или Кошут) предпочтительнее казалось первое. Усиление веса России в европейских делах и развившийся под влиянием венгерской критики комплекс национальной неполноты заставил представителей словацкой интеллигенции по-новому подойти к имевшим хождение еще с XVI в. идеям славянской общности. В первой половине XIX в. они используются для обоснования права на существование словаков как нации и придают этой новой нации вес, славную и богатую историю, а также позволяют видеть защитницу в лице России.

5. Препятствиями на пути развития диалога в венгеро-словацких отношениях явились складывающиеся разнонаправленные системы ценностей, нуждающиеся в утверждении и распространении, которые, в свою очередь, надстраивались над социально-психологическими механизмами формирования наций.

Ч.Б.ЖЕЛИЦКИ

Л.КОШУТ, Й.ЭТВЕШ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ВЕНГРИИ

Лидер революции и национально-освободительной борьбы венгерского народа Л.Кошут (1802-1894) и венгерский писатель и политик Й.Этвеш (1813-1871) принадлежали к числу видных общественно-политических деятелей Венгрии XIX в., которые одними из первых обратили свое внимание на положение невенгерских, в том числе славянских, народов страны и осознали необходимость удовлетворения их национальных потребностей.

Венгрия XIX в. была многонациональным государством, где при общей численности населения 13 млн. чел. наряду с венграми (36,5% от всего населения) проживали и другие народы, в том числе и славяне: словаки (13,2%), хорваты (9%), сербы (7,4%), русины (3,4%). Многое для будущего страны и ее народов зависело от того, смогут ли они найти взаимопонимание и согласовать свои национальные интересы. В ходе венгерской революции впервые дали о себе знать накопившиеся национальные противоречия. В 1848-1849 гг. правительство еще полагало, что предоставление демократических прав, простое признание равноправия всех граждан независимо от национальной принадлежности удовлетворит национальные меньшинства. Завоевания мартовской революции нашли горячий отклик у славянских народов страны, но последние требовали признания также их национально-территориальных прав. Правительство же не прислушалось тогда к справедливым национальным требованиям, что в конце концов привело к трагическим последствиям. Венский двор, умело разыграв национальную карту, добился того, что сербы и хорваты вступили в вооруженную борьбу против венгров.

После поражения революции прогрессивно настроенные венгерские политики стали осознавать важность национальной проблемы, необходимость ее неотложного разрешения в интересах общей борьбы против австрийского абсолютизма. Готовность к сближению с венграми проявили и невенгерские народы, которые на собственном опыте убедились, что Вена не

выполнила данных ею в 1848–1849 гг. обещаний о предоставлении им широкого национального самоуправления.

В 50-е годы среди венгерских и славянских политиков созревало понимание необходимости взаимного согласования национальных интересов. С венгерской стороны это осознали Л. Кошут, Й. Этвеш, Л. Мочари и др. Венгерская эмиграция во главе с Л. Кошутом пыталась наладить контакты с сербским правительством. Кошут существенно изменил свою точку зрения на национальные меньшинства и проявлял склонность предоставить им широкие национальные права. Согласно его плану Венгрия после освобождения из-под власти Габсбургов должна была образовать Дунайскую конфедерацию с соседними государствами, в том числе с Сербией, а также с Хорватией (если последняя не захочет остаться в Венгрии на правах автономии).

Й. Этвеш, один из лидеров венгерского либерального движения, министр просвещения и культуры в 1848 и 1867–1871 гг., принадлежал к числу тех общественно-политических деятелей Венгрии, которые осознавали настоятельную необходимость нормализации национальных отношений, примирения с невенгерскими народами. Он высказался за предоставление свободного развития национальных культур и языков для всех народов страны. К Этвешу, как к политику, выступавшему за справедливое разрешение национального вопроса, обращались за поддержкой деятели сербского движения П. Кожич, П. Чернович, просившие его способствовать удовлетворению сербских требований. В своих статьях и выступлениях Й. Этвеш прямо указывал соотечественникам на бесперспективность каких-либо попыток assimилировать славянские народы, ибо они уже осознали себя как нации. С учетом этого задачу венгров он видел в создании благоприятных условий для остальных народов страны, чтобы сербы, хорваты и другие национальности не чувствовали себя угнетенными.

Свои предложения по национальному вопросу Этвеш изложил в специально разработанном им законопроекте, который был вынесен на обсуждение в Государственное собрание Венгрии и послужил основой для принятого в 1868 г. закона о националь-

ностях. Й.Этвеш в своем проекте исходил из того, что решить национальный вопрос возможно на основе полного гражданского равноправия, развития системы местного национального самоуправления (сел, городов, комитатов), в рамках которого населению гарантировалось бы свободное использование родного языка в качестве официального, а также право обращаться на нем во все органы государственной власти. Проект Этвеша предусматривал также создание сети национальных культурно-просветительских организаций по всей стране. В частности, он давал высокую оценку деятельности Матицы Сербской как организации, способствующей культурному развитию сербского народа.

Проекты Л.Кошути и законопроект Й.Этвеша, хотя и не удовлетворяли полностью всем требованиям национальных меньшинств Венгрии, свидетельствовали тем не менее о понимании важности национальной проблемы и создавали условия для развития национальных языков и культур. К сожалению, в отличие от Кошути и Этвеша большинство венгерских политиков не было готово отказаться от тезиса единой политической венгерской нации, и это в итоге было закреплено в законе о национальных меньшинствах 1868 г.

В.В.НИКОЛАЕНКО

ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛОГА В "ДИФИРАМБАХ" ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВА

В корпусе поэзии Пенчо Славейкова есть несколько произведений, написанных в форме ораторий, с разбивкой на партии солистов и хоры. Из этих произведений ниже будут рассмотрены "Колядки" ("Коледари") и "Гимны на смерть Сверхчеловека". Заметим сразу, что форма их не тождественна: в "Колядках" перед нами повествование, почти вытесненное "вставными номерами", в "Гимнах..." - строго выдержанная музыкально-драматическая форма (отмечены время и место действия, несколько раз произведение перебивается ремаркой "Пауза" и строкой отточий).

Внимание Славейкова к форме оратории обусловлено, по-видимому, двояким влиянием. Это, во-первых, традиция, иду-

щая от "Фауста" к немецким и русским романтикам (завершает ее, кажется, пародия Козьмы Пруткова "Торжество стихий") и впоследствии - уже вне поля зрения Славейкова - воскрешенная Брюсовым и Бальмонтом.

Второй источник - всплеск интереса к античной трагедии и дифирамбу, вызванный появлением знаменитого "Рождения трагедии из духа музыки". Как кажется, именно на дифирамб - такой, каким он предстает в трактовке Ницше, - ориентированы и "Гимны на смерть Сверхчеловека", и "Колядки", и "Эпигоналама".

Несколько упрощая Ницше, его теорию можно сформулировать так: хор, охваченный дионисической стихией, "выделяет" из себя актеров, каждый герой трагедии есть "ипостась", или, если угодно, "аватара" Диониса, а трагический может - лишь покрывало, скрывающее мистерию. Дифирамб - однократенно и зерно, и ядро трагедии, а те его образцы, что дошли до нас - своего рода параллельный трагедии жанр (см. комментарий Вяч.Иванова к его переводам из Вакхилда).

В "Колядках" перед нами, так сказать, первоначальная стадия: колядки поются хором или одним из двух полухорий (Славейков обозначает их термином "зареда", причем ему приходится объяснить читателю, что это такое). В "Гимнах..." перед нами уже вполне оформленный дифирамб, где партии солистов, как указано в автocomментарии, отданы "одному басу с берегов Ганга" (по-видимому, Будде. - В.Н.), "двум баритонам из Палестины" (Моисей и Христос. - В.Н.), "одному тенору из храма Аполлона в Дельфах" (Сократ? - В.Н.) и "одному диксанту с самой высокой вершиной Старой Планины, горы Заратустры" (образ, объединяющий Славейкова с Ницше, на польском происхождении которого Славейков очень настаивал, - своего рода воплощение славянского гения. - В.Н.).

Диалог в "ораториях" Славейкова редуцирован, подавлен самой интенцией прославления. Партии солистов (в "Колядках" - полухорий) и хора не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга. Так, "приписать" любую партию одному из исполнителей "Гимнов..." почти невозможно: для Сла-

вейкова все вышеуказанные персонажи суть лишь разные представители одного и того же человеческого типа, его интересует общее в них, а не различное. Форма оратории мотивирует частую смену метра и рефрены, но и только.

Но уже то, что Славейков "снимает" разницу между Сократом, Христом и Ницше, постулирует некий предшествующий диалог, в котором эта разница была "снята", и сами славейковские дифирамбы творят новую мифологию, весьма отдаленно напоминающую учения тех, кто оплакивает Сверхчеловека (не самого ли автора?). Другое дело, что восстановить этот диалог должен сам читатель, а мифология Славейкова дает только "ключ" - на манер того, как зрители должны были угадывать, если верить Ницше, миф о Дионисе в "Персах" и "Царе Эдипе".

П.А.ИСКАНДЕРОВ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОБЩНОСТЕЙ НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ XX В. ВО ВЗГЛЯДАХ
ДМИТРИЕ ТУЦОВИЧА

Д.Тузович перед первой мировой войной возглавлял Сербскую социал-демократическую партию (ССДП) и был в ее руководстве ведущим специалистом по национальным проблемам на Балканах.

Сербо-албанские отношения и македонский вопрос являлись основными проблемами, которые находились в центре внимания Тузовича и послужили основой для разработки комплексной программы ССДП по национальному вопросу. При этом принципиальные положения национальной программы в свою очередь получили свое конкретное воплощение в политике партии в указанных вопросах.

В своих многочисленных работах по балканской тематике, отличавшихся новаторским характером на общем уровне развития научной и общественно-политической мысли Сербии в начале XX в., Тузович аргументированно показал, что сербо-албанские отношения и в целом албанский фактор выступали в качестве одного из важнейших элементов балканской истории на протяжении веков, причем их удельный вес неуклонно возрастал в

процессе развития албанского национального движения.

По его мнению, культурно-национальные и религиозные различия, хотя и затрудняли взаимоотношения сербского и албанского элементов на всех уровнях межнациональных контактов – от руководящих политических деятелей до широких слоев населения, – однако не являлись бы непреодолимыми в случае проявления сербским руководством более взвешенной политики в албанском вопросе.

В результате Балканских войн и эволюции общей международной ситуации в Европе, проблема территорий со смешанным составом населения (Косово и Македония) перед первой мировой войной вышла на межгосударственный уровень в качестве сферы интересов великих держав и балканских государств и побудила Тудовича подвергнуть всестороннему анализу пути ее разрешения на общебалканском уровне.

В качестве гаранта коренного и взаимовыгодного разрешения балканских противоречий в национальной программе ССДП, разработанной под руководством и при непосредственном участии Тудовича, выступала идея Балканской Федерации (Федерации балканских республик). В нее, по его мнению, должны были войти в качестве равноправных и автономных членов все балканские народы, в том числе сербы и албанцы, а также турки, что позволило бы снять многие территориальные, социально-экономические, политические, национальные, культурные, религиозные и иные проблемы.

Важный вклад внес Тудович и в разработку теоретических подходов к изучению проблемы взаимодействия культурно-национальных общностей. Он неоднократно подчеркивал и наглядно демонстрировал в своих работах то обстоятельство, что только комплексное изучение социально-экономических, политических, культурно-национальных, религиозных, демографических и историко-психологических проблем и общей системы международных отношений позволяет глубоко и всесторонне исследовать и понять кардинальные проблемы межнациональных отношений.

Е.Е.ТИМОШИЛОВА

СЛОВАЦКИЙ НАТУРИЗМ И ЕВРОПЕЙСКИЙ НЕОРОМАНТИЗМ

20-40-е годы XX в. в Словакии отмечены небывалым интересом к скандинавским писателям-неоромантикам С.Лагерлеф, К.Гамсуну, К.Гудмундссену и другим, а также к творчеству Ш.-Ф.Рамю (Швейцария) и Ж.Жионо (Франция). Неоромантики оглянулись на "варварское прошлое" человека в поиске равновесия между человеком и миром. Их творчеству свойственна вневременность, противопоставление цивилизации и природы. В их произведениях оживает фантастический мир мифа и сказки. Сохраняя естественные черты родного края, писатели антропоморфы иируют природные явления, озера, поля, реки, горы, что привносит в прозу сильную лирическую струю.

Эти черты присущи и прозе словацкого натуризма (творчество группы писателей 30-40-х годов - Л.Ондрейова, Д.Хробака, М.Фигули, Ф.Швантнера). Возвращение к предкам, поиски корней национального менталитета, возрождение романтических традиций, воспевание "родной почвы", которая единственная преbyteет в неизменности, когда все кругом подвластно изменениям, - таковы общие моменты творчества этих писателей.

Учитывая близость натуризма неоромантизму Лагерлеф, Рамю и др., настойчивость и планомерность переводов их лучших и второстепенных произведений, можно говорить о программности этих переводов. Как известно, перевод является немаловажной частью национальной культуры, из него вырастает "культурный, мыслительный и языковой комплекс", в особенности в культуре немногочисленного народа¹. Для литературы Словакии 30-х годов была характерна попытка преодолеть статичность описательного реализма, "догнать" европейские литературы. Эта попытка осуществлялась за счет различных видов лиризации прошлого и была небезуспешной. Писатели уловили созвучность собственных усилий усилиям представителей других "малых литератур".

Словацкие переводы скандинавских и романских авторов повлияли на упрочение и развитие этой тенденции, хотя напрямую не определили ее, ибо в литературе эта тенденция на-

чала "вызревать" в недрах реализма еще в 20-е годы (творчество М.Урбана, Й.Цигер-Гронского, Т.Гашпара и др.). Поэтому проза натуризма "не зависит от литературного импорта"². Речь идет о сознательной попытке "сгармонизировать ритм развития современной словацкой литературы с ритмом мировой литературы"³. Успехи, всемирное признание северных авторов придали уверенности словацким писателям, подсказали интересные для всего мира темы и современные повествовательные средства.

Как и Гамсон, Дуун, Силаня и др., словацкие писатели ищут материал не в современности (события второй мировой войны и действительность Словацкой республики 1939–1944 гг., а в "вечной проблематике человека, поставленного лицом к лицу с самой реальной действительностью: почвой и природой"⁴. Они перестали копаться в ничтожности человеческой экзистенции и повернулись к личности, которой присущи воля к жизни, действие, цельность, готовность к борьбе с роком, душевное здоровье и физическая красота.

Известны случаи прямой инспирации словацких авторов произведениями европейских писателей. Новелла Д.Хробака "Приятель Яшек" (1937) вызвала литературный скандал, ибо налицо был факт заимствования мотивов и структурных элементов романа Ж.Жионо "Один из Бомоня" (1929). Хробак был обвинен в плагиате. Однако вследствии это было забыто, ибо "плодотворная плагиатная эфера" помогла писателю открыть в словацкой литературе новые тематические области и прийти к самобытному способу художественного изображения.

Влияние Рамю и Жионо испытал на раннем этапе творчества наиболее значительный представитель натуризма Ф.Швантнер. Правда, словацкие критики, в отличие от случая с Хробаком, говорят об оригинальном, не эпигонском подходе к материалу, несмотря на известные параллели, творческом использовании импульса, который наиболее соответствовал личному и художественному опыту писателя.

Как кантон Во для Рамю, Верmland для Лагерлеф, Прованс для Жионо, Татры стали для Швантнера, Ондрейова, Фигули и

др. исходной точкой развертывания "вечных" тем - борьбы добра и зла, любви и смерти... Татры как литературное понятие явились не им средством эстетического познания неповторимой в каждом уголке земли природы, но всюду одного и того же человека.

Умение неоромантиков превращать географически малые страны в великие литературные державы помогло словацким писателям выйти из порочного круга нерешенных социально-политических конфликтов, вывести литературу из "национальной изолированности"⁵, прийти к "неоромантическому универсализму".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Fejér J. Domov i svet. Br., 1986. S. 562-563.
2. Čepan O. Kontury naturizmu. Br., 1977. S. 52-56.
3. Ibid. s. 12.
4. Matuška A. Za a proti. Br., 1975. S. 272.
5. Richter L. Vzťahy a súvislosti slovenskej literatúry XX storočia. Br., 1986. S. 79.

И.А.АНДРИЯКА

ДИАЛОГ АВТОРА И ЮНОГО ЧИТАТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ

СЛОВАЦКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛЮДО ОНДРЕЙОВА

Словакский писатель Л.Ондрейова (1930-е годы) никогда не противопоставлял литературу для детей и литературу, адресованную взрослому читателю. В этом проявилось, с одной стороны, тактичное отношение, уважение к ребенку, в котором Ондрейов уже видит человека, личность, будущее общества, а с другой стороны, желание отвлечь взрослого от серьезной, однообразной, серой жизни с ее замкнутым кругом проблем, вернуть его, хотя бы иногда и ненадолго, в детство.

В Ондрейове-писателе постоянно борются два начала: талант народного сказителя и стремление к реальности, точности. Это - художник, при создании своего творения досконально, с любовью, выписывающий в нем всякую подробность, всякую мелочь так, что у читателя перед глазами возникает ясная, четкая картина.

Произведения этого автора не только увлекательны, но и информативны. Каждое дерево, куст, цветок, животное, птица и т.д. имеют у Ондрейова конкретное название. Писатель с

удовольствием передает свои знания маленькому читателю, пытаясь одновременно пробудить в нем любознательность, подавая информацию так, что она, к тому же, моментально запоминается. Причем для Ондрейова характерна дидактика не прямолинейная, не назидательная, а растворенная в произведении. Создавая важную воспитательную функцию литературы, Ондрейов в ответе на международную анкету журнала "Златы май" (Прага-Братислава) отмечал: "Пока речь идет о книгах для детей, необходимо их искать и издавать как можно больше. Они облагораживают души наших молодых граждан и формируют из них лучших людей, чем те, что вызывали войны и способствовали несчастью".

"Истории" Ондрейова оставляют яркие впечатления, подобные тем, которые ребенок получает в жизни. Не всегда это нечто необычное; как правило, скорее, это рядовые эпизоды, сыгравшие в познании маленького человека свою роль - он узнает для себя что-то новое. Но для детей все "обыкновенное" - необыкновенно. Здесь значение имеет прежде всего свежесть восприятия, и именно этого добился писатель в своих рассказах, сумев мастерски "абстрагироваться" от "взрослого" понимания жизни, посмотрев на мир глазами ребенка, увидев то, что взрослый давно уже не замечает. Ондрейов постиг психологию юного собеседника, отсюда своеобразная манера повествования: рассказ начинается издалека, отвлекая внимание на вроде бы посторонние темы, и лишь малая доля объема произведения посвящена непосредственно главному предмету. Чешская писательница Хелена Шмагелова отмечала, что " тот, кто не сохранил в себе хотя бы немного детской наивности, ... о сам чуть-чуть не является ребенком, не может произвести впечатления на маленького читателя ". Эту "наивность" в достаточной мере сохранил Ондрейов.

Ондрейов действительность не идеализировал. Его герои одолевают множество трудностей. Но автор очень осторожно, постепенно подводит маленького читателя к мысли о том, что не стоит слишком переживать неудачи, из которых порой можно извлечь полезные уроки. Легкий юмор помогает писателю в достижении своей цели. Ондрейов, которого словацкий критик А.Матушка назвал "искренним и правдивым рассказчиком" вспо-

минал: "Я всегда любил детей... Я написал для них все, что сам чувствовал и видел сквозь радужные краски детских глаз. Мои книги являются и правдивыми, и вымышленными. Но я думаю, что оба типа этих моих произведений можно дать молодежи, поскольку они шли у меня из самого сердца".

А.С.СТЫКАЛИН

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В ВЕНГРИИ

вторая половина 1940-х – 1950-е годы. Пропаганда и восприятие

Поворот в развитии Венгрии, произошедший в 1945 г., неизбежно означал переоценку многих ценностей, казавшихся неизбыточными, осмысление под новым углом зрения всей национальной истории, смену акцентов в национальном культурном наследии и ориентаций во внешних культурных связях. Крах идеологии германского фашизма повлек за собой и известное ослабление уз, издавна связывавших венгерскую нацию с немецкой культурой. Умонастроение значительной части венгерской (так же как, впрочем, и чехословацкой) интеллигенции отличало определенное стремление преодолеть односторонность немецкого культурного влияния, расширить горизонты своей национальной культуры за счет приобщения ее к новым источникам развития, находления иных ориентиров в духовном опыте человечества. Большой интерес в интеллектуальных кругах проявлялся к налаживанию культурных связей с Великобританией, Францией и США.

В то же время нередко пути духовного обновления виделись в притоке свежих сил с Востока, из Советского Союза. О советской культуре как о возможном противовесе германизаторским устремлениям хортистов, способствовавшим в годы второй мировой войны пристегиванию Венгрии к военной колеснице "третьего рейха", писали в то время многие, подчас далекие от марксизма, деятели венгерской культуры. Однако к функции такого противовеса роль советской культуры не сводилась. Интерес к русской (в том числе и современной советской) культуре, который всего через несколько лет стал искусственно подреваться режимом Ракоши, насильственно насиживавшим ее

в далеко не лучших образцах, был в самые первые послевоенные годы совершенно естественным, пристекавшим из глубоких потребностей венгерской нации в переломный момент истории заново осмыслить свое место в Центральной Европе, на перепутье между Востоком и Западом.

Реагируя на предложения венгров о культурном сотрудничестве, советская сторона никогда не забывала о своих базовых политических установках, - распространение духовной продукции, в первую очередь, было призвано служить укреплению позиций СССР в регионе. Именно идеологические, а не эстетические критерии лежали в основе отбора художественных произведений для распространения за рубежом. Вместе с тем было бы явным упрощением говорить о том, что из СССР в эти годы переправлялись только парадные портреты и блисты Сталина, напичканные унылой дидактикой романы о передовиках производства и начисто лишенные конфликта современные пьесы и фильмы. В это время гораздо активнее, чем ранее, издавалась, исполнялась русская литературная, музыкальная классика. Несколько можно судить по архивным документам, инициатива распространения русской классики принадлежала не советским пропагандистским органам, а исходила от венгерской стороны. Вообще, когда речь шла о подлинном искусстве, политическая сторона дела (желание угодить советской военной администрации) носила попутный, а не самодовлеющий характер.

С установлением в конце 40-х годов диктатуры Ракоши развитие советско-венгерских культурных связей вступило в качественно новый этап. Если ранее культурный поток из СССР сосуществовал с иными приходящими с Запада явлениями, то теперь он занял монопольное положение. "Наше главное требование к работникам культуры... чтобы они учились у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращали свои взоры", - заявил в 1949 г. главный идеолог режима И. Ревай, и эти слова были восприняты как новая директивная установка. Советские фильмы составляли теперь 75-85% проката, аналогичными были соответствующие показатели и в других областях культуры. С другой стороны, изымаются из обра-

щения многие ценности как национальной, так и западной культуры (и не только современной). Видоизменяется и внутреннее содержание культурного потока, шедшего из СССР – классика все более уступает место продукции "социалистического реализма". Эта последняя воспринималась в Венгрии неоднозначно. В некоторых случаях она оказываласьозвучна достаточно широко распространенным в обществе авангардистским, революционно-романтическим устремлениям. Перенасыщение культурой "социалистического реализма" и соответственно реакция отторжения этой культуры происходили по мере разочарования в скромом торжестве коммунистических идеалов.

Сознавая неоднозначность ситуации в разных областях духовной жизни, в целом можно констатировать: попытки максимального приближения к советским образцам и канонам (как в политике, так и в культуре), недифференцированное отношение к советской культуре, возведение ее в ранг образца для подражания в ущерб культивированию лучших национальных традиций нанесло огромный вред культурному развитию Венгрии, сузило горизонты духовных исканий венгерской интеллигенции и вызвало в качестве естественной реакции усиление антисоветских настроений в общественном сознании, с особой острой проявившихся в дни трагических октябрьских событий 1956 г.

Н.Н.СТАРИКОВА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Словенская историческая проза 1970-х годов

Содержание истории находится в состоянии постоянного актуального функционирования, литература же дает возможность адекватно воспринять связь столетий. "Прозревая даль веков", писатели стараются в событиях былого найти ключ к пониманию сегодняшнего дня. В лучших своих образцах историческая проза, не только словенская, но шире – европейская – ёмко воссоздает крупные социально-политические, мировоззренческие, нравственные, этические проблемы, волновавшие поколения, и на новом качественном уровне, в новом звучании

встающие перед людьми нашего времени. Исторические романисты современной Словении стремятся художественно осмыслить человеческие судьбы в потоке истории, т.е. обращают повышенное внимание на личность как таковую. Проблемы нравственного роста человека, морального выбора в ходе сложных испытаний социального и этического характера — эти вопросы выдвигаются в словенском историческом романе рассматриваемого периода на первый план. Этот жанр, таким образом, предлагает особый ракурс — исторический — при анализе проблематики личности. Так возникает диалогичность прошлого и настоящего, ясно ощущимая даже в произведениях, которые, казалось бы, целиком погружены в атмосферу истории и не имеют видимых выходов в современность. И если для традиции исторического жанра принципиальным является сочетание истории в любой ее форме и творческой фантазии, то сейчас грань между документом и вымыслом стирается, меняется и их соотношение.

Налицо попытка соотнести прошлое и настоящее, обнажив напрямую истоки настоящего в прошлом, увидеть, как следствия минувших событий проявляются в модели личности наших дней. Трансформация жанра выражается в изменении отношения к документу, выступающему уже не в "чистом" виде, а, скорее, как документальная привязка к историческим реалиям.

Сохраняя как важнейший элемент структуры принцип сопряжения разных времен, словенский исторический роман усваивает многие особенности психологического романа и вливается в таком виде в современную литературу, тяготеющую к всеохватности и многомерности. Исторически конкретное при этом не является самоцелью и не замыкается в себе, оно освещено общей мыслью, прямую связывающей прошлое и настоящее. Это стремление выйти за пределы настоящего мгновения и отождествить конкретного, обычного человека этого времени и этого общества со всем прошлым и будущим человечества лежит в основе подхода к истории современного словенского новеллиста, романиста, драматурга и режиссера А. Хинга (род. 1925). Предлагая новую, во многом рискованную форму произведения, он в романе "Чародей" (1976) стремится соединить историю и совре-

Менность так, чтобы "сквозь увеличительное стекло прошедших десятилетий более отчетливо рассмотреть день сегодняшний"¹. Несмотря на кажущуюся доминанту линии современности, историческая тема совершенно автономна и несет не только формообразующую, но и идеально-эстетическую нагрузку. Откровенное конструирование сюжета и композиции, выдвижение на первый план не конкретной исторической личности, а рядового человека, поднятая в романе проблема аутсайдерства – все это подтверждает мысль о том, что исторический роман корреспондирует с современной прозой, исследуя историю через психологию, осмысливая настоящее через прошлое. Ведь по сути в романе Унга смыкаются принципиальные черты современного и исторического романа, историческая проза становится для автора решением современной проблематики, исторический жанр трансформируется, прогрессирует.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. И.И.Свирида	3
А.М.Ранчин. Идеи М.М.Бахтина о диалоге и современная российская филология	4
А.Б.Мороз. Ритуал как диалог. Сербский обряд "вучари" в обрядовом контексте	7
Е.Е.Левкиевская. Элементы диалога в славянских апостро- пейческих текстах	9
Б.М.Никольский . Стоицизм и римская грамматика I в. до н.э. <i>Materia</i> и <i>figura</i> в трактате Варрона "О латинском языке"	II
А.Ф.Литвина. Русский деловой документ и византийские нормы	14
Р.В.Непомнящая. Немцы в чешских хрониках XIV в.	15
И.П.Кулакова. Русские и поляки – пересечение культур. "Смута" начала XVII в. в России	16
М.А.Глазкова. Корреспонденция как фактор взаимовлияния культур. На материале переписки чешских политических деятелей конца XVI – первой четверти XVII в.	19
А.В.Новикова. Античность и христианство в творчестве Клода Лоррена	23
И.М.Марисина. Западноевропейское искусство глазами русского путешественника второй половины XVIII в.	25
С.В.Хачатуров. Ранний классицизм и псевдоготика. Диалог направлений в развитии русской архитектуры 60–80-х годов XVIII в. в связи с понятием "просвещенный вкус"	28
О.В.Докучаева. Искусственные руины в российских увесели- тельных садах второй половины XVIII – на- чала XIX в.	29
Е.Н.Масленникова. Гердер и культура народов Дунайской империи в первой половине XIX в.	32

Н.М.Филатова.	Эволюция раннего польского политического либерализма. Диалог оппозиции и правительства	33
И.В.Попова .	Венгеро-словацкая полемика рубежа 1830 - 1840-х годов как форма диалога	35
Ч.Б.Желницки .	Л.Кошут, Й.Этвеш и славянские народы Венгрии	38
В.В.Николаенко.	Элементы диалога в "дифирамбах" Пеиччо Славейкова	40
П.А.Искандеров.	Проблема взаимодействия культурно-национальных общностей на Балканах в начале XX в. во взглядах Д.Тучовича	42
Е.Е.Тимошилова.	Словацкий натуризм и европейский неоромантизм	44
И.А.Андрияка.	Диалог автора и юного читателя в творчестве словацкого писателя Лисо Ондрейова..	46
А.С.Стыкаллин.	Русская и советская культура в Венгрии. Вторая половина 1940-х - 1950-е годы. Пропаганда и восприятие	48
Н.И.Старикова.	История и современность. Словенская историческая проза 1970-х годов	50

Диалог
в культуре и истории

Конференция молодых ученых

Октябрь 1993

Тезисы

Оригинал-макет сборника подготовлен в издательско-издательской группе ИСБ РАН

Подписано в печать 14.09.93. Формат 60 x 84/16
Усл. печ. л. 2,7. Тираж 100 экз. Заказ № 47

Цена договорная

Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 9

